

ВАЛЕРИЙ МАНЬКО*

*Кандидат наук, старший научный сотрудник Института
археологии Национальной Академии наук Украины, Киев,*

Valery_Manko@yahoo.com

ГУРАМ ЧХАТАРАШВИЛИ

*Кандидат наук,
научный сотрудник Музея Аджарии, Батуми,
gurami.chxa87@yahoo.com*

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ В XII–VI ТЫС. ДО Н.Э.

Ключевые слова: миграция, Закавказье, культура, каменная индустрия, археологическая стоянка, территория, Кавказ.

В настоящее время весьма актуальным является вопрос о переходе к неолиту на территории Восточной Европы. Значительное внимание многие исследователи уделяют проблемам взаимодействия восточноевропейского населения с носителями археологических культур Балкан и Центральной Европы. С балканским влиянием, в частности, связывают происхождение бугоднестровской культуры неолита¹, с миграцией с территории Польши – появление линейно-ленточной культуры в Украине². В то же время совершенно неразработанным является вопрос о роли Закавказья как территории, связанной с миграциями и культурным влиянием археологических культур Ближнего и Среднего Востока. Между тем данное направление исследований является совершенно необходимым для понимания процессов неолитизации Восточной Европы.

* Հոդվածը ներկայացվել է 13.09.19, գրախոսվել է 27.09.20, ընդունվել է րիսագրոմբային 13.04.21:

¹ Залізняк 2009, 198–205.

² Захарук, Телегин 1985, 133.

Закавказье расположено очень близко к очагам древнейших неолитических культур Месопотамии и Малой Азии, что, естественно, не могло не наложить отпечаток на картину исторического развития региона. Задачей данного исследования является выяснение закономерностей исторического развития Закавказья в период, непосредственно предшествовавший неолиту и в начале неолита; исследование характера взаимодействия региона с археологическими культурами Ближнего и Среднего Востока в виде миграций, диффузии небольших групп населения, культурного взаимодействия, не связанного с миграционными процессами; изучение абсолютной и относительной хронологии процесса неолитизации Закавказья; рассмотрение роли Закавказья в неолитизации Восточной Европы.

Следует особо остановиться на хронологических рамках исследования. Как видим, мы выходим за временные рамки неолита как в мире в целом, так и на территории Закавказья. Тому есть много причин. Одна из них – процесс неолитизации не соответствует в целом неолиту. Этот процесс описывает закономерности перехода к неолиту, то есть по определению выходит за временные рамки собственно неолита. А второй причиной является тот факт, что большинство археологических культур Ближнего и Среднего Востока, с которыми связан переход к неолиту, начинали свое развитие в рамках традиционного общества, основанного прежде всего на охоте. Ближайшими соседями населения Закавказья в самом конце плейстоцена были носители триалетской и млефаатской культур. В процессе своего развития, уже в голоцене, носители этих культур перешли к неолитическому способу жизни, однако в начале своего развития они были охотниками и собирателями. В то же время мы видим значительное влияние носителей этих культур на историческое развитие Закавказья, причем начинается это влияние на той стадии, когда переход к производящему хозяйству еще не произошел. Соответственно, мы можем рассматривать события финала плейстоцена и начала голоцена вплоть до начала собственно неолита как единый процесс. Таким образом, переход к неолиту был всего лишь результатом длительного процесса, связанного с миграциями, диффузией отдельных групп населения, культурного взаимо-

действия населения Закавказья с носителями инициального неолита Ближнего и Среднего Востока.

Одной из сложнейших задач археологии является определение реальности миграций. Дело в том, что само наличие подобия комплексов каменных изделий на территории различных регионов является недостаточным для утверждения о родственности каменных индустрий и для утверждения о том, что имело место переселение из одного региона в другой. Мы вполне можем сталкиваться и с явлением конвергенции, когда развитие каменных комплексов шло в одном направлении. Такие случаи известны в истории. Например, мы наблюдаем практически одновременное появление в начале голоцена отжимного расщепления, основанного на использовании карандашевидных нуклеусов в постсвидерских комплексах лесной полосы Восточной Европы и в кукрекских комплексах Крыма. Естественно, расстояние от Волго-Окского междуречья до Крыма слишком велико, ландшафтные ниши, которые занимали носители двух культурных традиций, слишком разные. Это исключает наличие каких-либо связей между двумя явлениями.

Методику различия явления конвергенции и миграции разработал Л.С. Клейн³. Особое внимание исследователь уделил анализу таких признаков миграций, как лекальность, неподготовленность и стык во времени и пространстве. Под лекальностью понимается комплексное типологическое подобие материальной культуры в исходной и в конечной точке миграции. Неподготовленность характеризует такое положение вещей, когда в конечной точке миграции отсутствуют местные культуры, которые могли бы претендовать на роль предшественников культуры мигрантов. Критерий стыка во времени и пространстве не нуждается в дополнительных пояснениях. Сам Л.С. Клейн считал наличие всех трех критериев избыточным, своего рода перестраховкой от скоропалительных выводов. Тем не менее, чем большее количество критериев может быть описано при доказательстве миграции, тем более надежным будет вывод.

Явление диффузии мелких групп населения может быть прослежено лишь случайно. При переселении малых коллективов слишком быстро

³ Клейн 1999, 52–71.

Миграционные процессы и процессы культурного взаимодействия...

происходит ассимиляция пришельцев автохтонами либо даже полное их истребление. В вероятностном плане нахождение гомогенных археологических комплексов, оставленных такими малыми группами, является весьма проблематичным. Скорее факт диффузии мелких групп может быть прослежен в результате появления инновационных типов каменных орудий или каких-либо новых технологий в среде автохтонов. Этот вывод очевиден, однако возникает вопрос: а как отличить диффузию населения от культурной диффузии или просто от результатов культурных контактов? Задача кажется невозможной, в большинстве случаев так оно и есть. Решать такие задачи не позволяют локальность исследовательской базы, неравномерность изученности памятников тех или иных территорий и даже информационная изолированность исследователей. Тем не менее, при определенных условиях задача может быть решена.

Диффузия населения является, как представляется, движением в одну сторону. Переселение моментально приводит либо к гибели группы переселенцев, либо к их адаптации к автохтонной культурной среде. Каковы последствия такой адаптации? В отдельных комплексах могут спорадически проявляться инновационные черты, которые будут характеризовать основные черты культуры-донора. Некоторые из этих черт могут закрепляться и развиваться уже в условиях нового культурного окружения. При этом такого рода процесс никоим образом не будет отражаться в комплексах материнской культуры малых групп переселенцев.

Культурные контакты носителей двух разных археологических культур могут иметь совершенно иные последствия. Возникают такие контакты в результате проживания на территориях, обязательно имеющих общие границы, или даже в условиях чересполосного расселения носителей разных культур. Процесс культурной трансформации в этом случае может иметь двусторонний характер, то есть инновационные черты могут проявляться у всех сторон. В этом плане проявление культурных контактов в археологии может напоминать ситуацию с масштабной миграцией. В ходе миграции вполне возможен возвратный эффект, когда связь с материнской территорией не прерывается, когда со временем мигранты, в свою оче-

редь, обогащают материальную культуру своих родственников, оставшихся на месте первоначального расселения.

Как же мы можем различить процесс миграции от культурной диффузии или от культурных контактов? Здесь все просто: миграция считается состоявшейся только в том случае, если в точке прибытия осуществилось закрепление культурных традиций материнской территории, достаточное для самовоспроизведения культуры.

Таковы теоретические основы нашего экскурса в систему культурного взаимодействия накануне и в начале неолита.

Каков же круг ближайших к Закавказью культур, носители которых теоретически имели возможность культурного взаимодействия с населением Закавказья? Круг таких культур весьма невелик.

В конце плейстоцена Закавказье могло испытывать воздействие носителей зарзийской и постзарзийской индустрий, освоивших уже к концу плейстоцена элементы производящего хозяйства. Носители зарзийских традиций могли контактировать с населением Закавказья в XII – начале X тыс. до н.э., когда существовали пещерная стоянка Шанидар (слой В) и открытое поселение Зави Чеми Шанидар⁴. В самом конце плейстоцена возникает триалетская культура, происхождение которой связано с зарзийской традицией. Носители этой индустрии в X–IX тыс. до н.э. занимали пространство от юго-восточной Малой Азии до Южного Прикаспия. В X–VII тыс. до н.э. на территории Ирана и Ирака развивается млефаатская индустрия. В самом начале голоцена возникает немрикская индустрия в верховьях Тигра. Также на территории восточной Малой Азии развиваются локальные варианты ближневосточного докерамического неолита.

Все перечисленные культуры так или иначе наложили свой отпечаток на развитие Закавказья, их носители вступали в активные контакты с закавказскими автохтонами, а часто даже мигрировали в отдельные регионы Закавказья.

Ниже мы рассмотрим вклад каждого из перечисленных культурных явлений в историю Закавказья, их роль в развитии традиций неолита на территории указанного региона.

⁴ Solecki 1980.

Определение влияния зарзийской индустрии весьма затруднено. Большинство памятников конца плейстоцена опубликовано фрагментарно, к тому же они раскопаны зачастую таким образом, что разновременные слои оказались в смешанном состоянии. Печальный пример такого положения дел демонстрируют нам публикации материалов пещеры Гварджилас Клде⁵. Здесь авторы раскопок совершенно сознательно смешали материалы двух литологических слоев, еще и разделенных стерильной прослойкой, что привело к значительному снижению ценности полученных комплексов⁶.

К счастью, недавно польские исследователи подвергли ревизии результаты раскопок Гварджилас Клде, стремясь опубликовать вклад С. Круковского, исследовавшего стоянку в 1916 году. Смешанные материалы были разложены по слоям и опубликованы, что дало возможность взглянуть на материалы Гварджилас Клде по-новому. Как оказалось, материалы слоев 11, 10 и 1 мы можем достаточно уверенно сопоставить с материалами зарзийской культуры. Более того, мы вправе утверждать, что зарзийское культурное взаимодействие с закавказским регионом было не результатом единовременного переселения какой-то группы населения, но носило долговременный характер.

Материалы слоя 10, как представляется, достаточно хорошо соотносятся с материальной культурой эпонимной стоянки Зарзи⁷. Здесь мы видим совпадения по следующим типам микролитов: удлинённые симметричные сегменты на пластинах с круторетушированными дугами; удлинённые асимметричные треугольники на пластинах с круторетушированными сторонами. Наряду с этим в комплексе присутствуют типичные эпиграветтские микролиты на пластинах и пластинках с притупленными краями и с закругленными ретушью основаниями. Таким образом, инфильтрация зарзийского населения произошла до исчезновения эпиграветта. Мы имеем даты для этого комплекса, свидетельствующие о том,

⁵ Gvardjilas Klde Cave in Georgia 2019.

⁶ Каландадзе 1986.

⁷ Garrod 1930, 8–43.

что первые контакты эпиграветтского и зарзийского населения следует относить к додриасовому времени (табл. 1).

Слой 11 является более поздним, отделен от слоя 10 полуметровой прослойкой камней. Состав микролитов более разнообразен в сравнении со слоем 10: симметричные сегменты на пластинах с круторетушированными дугами; асимметричные треугольники и сегменты на пластинах с круторетушированными сторонами или дугами; удлиненные асимметричные треугольники на пластинах с круторетушированными сторонами; микроострия на пластинках с притупленными краями; прямотронкированные пластинки. В целом, комплекс соответствует материалам открытой стоянки Зави Чеми Шанидар в Ираке, то есть относится к самому концу голоцена. Таким образом, история зарзийского присутствия в Закавказье может насчитывать около 5 тысяч лет.

Мы имеем свидетельства того, что зарзийские элементы в Закавказье появлялись на протяжении всего дриасового периода.

В районе Приэльбрусья в последнее время стала известна стоянка Бадыноко⁸, слои 7.4 и 7.3 которой демонстрируют едва ли не полное соответствие материалам стоянки Зави Чеми Шанидар. Все элементы сходства нами уже указаны при описании слоя 11 Гварджилас Клде, в Бадыноко мы наблюдаем те же элементы материальной культуры. Особенностью Бадыноко является полное отсутствие в комплексе материалов эпиграветта. Имеется радиоуглеродная дата слоя 7.4, свидетельствующая о возрасте комплекса времени белингского потепления (табл.1).

Имеются свидетельства наличия зарзийских предметов в комплексе Девис Хврели⁹. Здесь мы видим среди эпиграветтских материалов удлиненные треугольники и сегменты. Комплекс связан с рубежом плейстоцена-голоцена (табл.1).

Таким образом, история зарзийского присутствия в Закавказье охватывает период около 15–10000 BP (uncal). При этом, в начале и в конце указанного временного периода мы наблюдаем лишь наличие смешанных

⁸ Селецкий, Шнайдер, Зенин, Кривошапкин, Колобова, Алишер Кызы 2017, 147–162.

⁹ Бадер 1984, 294.

эпиграветтско-зарзийских комплексов. Лишь в начале белинга мы фиксируем наличие чистых зарзийских комплексов в слоях 7.4 и 7.3 Бадыноко.

Как же мы можем охарактеризовать присутствие зарзийского населения в Закавказье? Учитывая выдвинутые нами критерии, можем констатировать факт постоянной диффузии зарзийского населения, охотно вступавшего в контакты с местными носителями имеретинской эпиграветтской культуры. Лишь во время первого потепления в рамках дриасового периода мы фиксируем полномасштабную миграцию зарзийцев, сумевших оградить себя от влияния носителей иных культур и законсервировать свою культуру на относительно долгое время. Последнее трудно отрицать, учитывая связь зарзийских комплексов с разными литологическими слоями Бадыноко.

Мы не можем подробнее описать историю взаимодействия населения Закавказья с носителями зарзийской индустрии, поскольку наши знания о финальном палеолите Закавказья являются довольно фрагментарными. Как бы то ни было, мы не склонны преувеличивать значение зарзийской миграции, поскольку, на наш взгляд, она не стала причиной глобальных изменений в обществе накануне неолита. Похоже, что история зарзийцев в Закавказье заканчивается вместе с историей эпиграветтского населения. Таким образом, если характеризовать передвижения носителей зарзийской культуры, то в целом они демонстрируют скорее модель диффузии небольших групп, в итоге подвергшихся ассимиляции со стороны носителей имеретинской культуры. При этом мы не наблюдаем какого-либо обратного воздействия Закавказья на материнскую территорию зарзийской культуры. Значительные изменения произошли в раннем голоцене, когда вслед за перемещениями зарзийцев началось продвижение носителей триалетской культуры, которые, фактически, являлись носителями пост-зарзийских традиций.

Триалетская культура стала известна на территории Грузии после раскопок стоянки Эдзани, опубликованных в 1976 году¹⁰. Элементы триалетского комплекса имеют материалы стоянок Сагварджиле и Цона¹¹. Триа-

¹⁰ Бадер, Церетели 1989, 273.

¹¹ Бадер, Церетели 1989, 272.

летские материалы известны в 5 слое навеса Дарквети¹². В последнее время стала известна стоянка Котиас Клде¹³. Последняя имеет особое значение, поскольку по ее материалам впервые для триалетских комплексов Закавказья была получена серия радиоуглеродных дат в рамках конца позднего дриаса – пребореала (табл.1).

Отличительной особенностью перечисленных стоянок является наличие серий удлиненных треугольников на пластинах и удлиненных асимметричных трапеций. В целом, триалетские комплексы имеют много общего с зарзийскими, однако серьезно разнятся по размерам микролитов. За пределами Закавказья С. Козловский называет следующие триалетские памятники¹⁴: Невалли Кори и Халлан Чеми в Турции, Али Тепе, Белт и Хоту в Иране, Дам-Дам Чешме 1 в Туркмении и Чох в Дагестане.

С нашей темой могут быть связаны только памятники Ирана и Халлан Чеми. Прочие упомянутые С. Козловским комплексы отражают более поздние этапы развития культуры и не связаны с возможной первичной миграцией триалетского населения. Время такой миграции достаточно четко определяет серия дат стоянки Котиас Клде, где триалетский слой существовал в самом конце плейстоцена и в пребореальное время (табл.1).

Халлан Чеми представляет нам древнейший этап развития культуры. Техника расщепления – призматическая, большинство нуклеусов – одноплощадочные, однако имеются свидетельства бипродольного расщепления. Отжимная техника расщепления не практиковалась. Скребки – преимущественно концевые на пластинах с усеченным основанием или подокруглые на массивных отщепах. Резцы – угловые, на изломах пластин поперечные. Ведущим типом геометрических микролитов являются асимметричные треугольники вытянутых пропорций, параметры которых значительно варьируют от 1,5 до 5–6 см. Отмечено использование микрорезцовой техники. Небольшой серией представлены сегментовидные острия (по определению автора раскопок), по нашему определению – вполне

¹² Небиеридзе 1978.

¹³ Meshveliani, Bar-Oz, Bar-Yosef, Belfer-Cohen, Boaretto, Jakeli, Koridze, Matskevich 2007, 47–58.

¹⁴ Kozłowski 1999, 146.

обычные сегменты. Присутствуют пластины с притупленными краями, тронкированные пластины. Для изготовления всех микролитов использовалась крутая ретушь. Лишь в одном случае отмечено использование встречного ретуширования. Как представляется, именно миграция населения из западной Малой Азии обеспечила дальнейшее развитие триалетьяна в Закавказье.

Соответственно, мы вынуждены отбросить иранскую версию происхождения триалетских комплексов Закавказья. Так, например, в материалах стоянки Белт присутствуют серии трапеций и сегментов, отсутствующих в материалах триалетской культуры Закавказья. Комплекс Котиас Клде содержит только серии асимметричных удлиненных треугольников и практически является аналогом комплекса Халлан Чеми, существовавшим одновременно с Котиас Клде.

По определению Т. Мешвелиани, техника расщепления основана на получении пластин и пластинок ударным способом, на использовании одноплощадочных призматических, реже – двуплощадочных нуклеусов. Основные категории орудий повторяют формы Халлан Чеми. Почти то же самое можно сказать и о комплексе оснащения метательного оружия. Ведущей формой являются асимметричные треугольники, пластины с притупленными краями, тронкированные пластины. Отличием является отсутствие сегментов и распространенность приема биполярного ретуширования. Это – особенность кавказского триалетьяна, обусловленная, по всей видимости, контактами с остатками эпиграветтского населения. Мы не знаем эпиграветтских комплексов с пребореальными датами, однако на даты самого конца плейстоцена нам указывает комплекс гор. 3 Касожской пещеры¹⁵. Таким образом, вторичность Котиас Клде в отношении Халлан Чеми – доказанный факт.

Таким образом, мы констатируем продолжение миграций постзарзийского населения на территорию Закавказья в X–IX тыс. до н.э. (табл.1). В закавказских комплексах при этом сохраняются такие архаичные черты, как наличие микролитов с биполярной крутой ретушью.

¹⁵ Голованова, Дороничев 2012, 59–102.

Может ли данная миграция постзарзийского населения быть связана с процессом неолитизации? Данный вопрос едва ли имеет однозначный ответ. В триалетском комплексе Котиас Клде мы не видим никаких следов производящего хозяйства, этот комплекс был оставлен нам, несомненно, раннеголоценовыми охотниками. С другой стороны, постзарзийское население в указанное время уже могло овладеть некоторыми элементами производящего хозяйства. Такие свидетельства нам известны по материалам верхнего слоя поселения Зави Чеми Шанидар. Почему же другая группа постзарзийского населения не демонстрирует нам процесс перехода к неолитическому образу жизни в начале голоцена? Не исключено, что причинами миграций триалетского (постзарзийского) населения в Закавказье и в Среднюю Азию стало именно стремление сохранить традиционный образ жизни, связанный с охотой и собирательством. Как бы то ни было, данная миграция сыграла свою роль в подготовке региона к усвоению инноваций неолита. По крайней мере мы вполне надежно можем связывать с неолитом позднейший триалетский памятник в Западном Прикаспии – Чох¹⁶.

Еще один триалетский комплекс Закавказья – Дарквети, слой 5¹⁷, имеет большое значение для понимания исторических процессов начала голоцена. Даркветский комплекс демонстрирует нам ту же типологию геометрических микролитов и датируется, вероятно, тем же временем в рамках пребореала.

Однако даркветский комплекс привлекает нас не только и не столько наличием в нем артефактов триалетской культуры. Данный комплекс демонстрирует нам значительное присутствие предметов, связанных с совершенно иным культурным явлением, а именно – с млефаатской культурой Ирана и Ирака. Об этом свидетельствует наличие в комплексе карандашевидного нуклеуса для отжима микропластин, наличие серии микропластин с притупленными краями. В настоящий момент мы не можем судить о том, что видим в даркветском комплексе – синтез двух индустрий или механическую смесь артефактов. Однако для решения наших задач

¹⁶ Амирханов 1987.

¹⁷ Korobkova 1996, 57–89.

данная проблема не является особенно значимой. Даже если мы имеем механическую смесь, то мы констатируем тот факт, что триалетская и млефаатская индустрии в Закавказье развивались одновременно, а именно – в пребореальное время.

В чистом виде индустрия, прослеженная в даркветском комплексе, известна нам по материалам стоянки Кобулет¹⁸ в Абхазии. Происхождение данной культуры вполне понятно. Истоки ее становятся ясны при знакомстве с памятниками Тель Млефаат, Джармо, Карим Шахир, Али Кош, Чага Сефид и других памятников на склонах Загроса¹⁹. Материалы указанных комплексов имеют древнейшие даты в рамках позднего плейстоцена. Это позволяет нам судить о векторе миграции. Млефаатская индустрия Среднего Востока дала начало одним из древнейших неолитических культур Старого Света. В IX тыс. до н.э. млефаатское население уже владело навыками скотоводства и земледелия. Но, как видим, млефаатская миграция в Закавказье началась еще до перехода к производящим формам экономики. Мы наблюдаем здесь ту же закономерность, что и в случае с триалетскими комплексами. Мигранты не привносят новых, инновационных способов ведения хозяйства, они являются носителями традиционных охотничье-собираТЕЛЬСКИХ традиций.

Еще один миграционный процесс мы наблюдаем по материалам стоянки Кмло 2²⁰ в Армении. Материалы стоянки публиковались, поэтому ограничимся лишь констатацией того факта, что материалы раннего и среднего голоцена абсолютно точно указывают на связь с материалами Чайоню Тепеси²¹ в юго-восточной Турции. Примечательно, что лишь слой VI тыс. до н.э. может быть интерпретирован как собственно неолитический. А ведь население, оставившее Чайоню Тепеси, изначально было знакомо с производящими способами хозяйства!

¹⁸ Гогитидзе 2008.

¹⁹ Kozłowski 1999, 51.

²⁰ Chataigner, Gasparyan, Montoya, Arimura, Melikyan, Liagre, Petrosyan, Ghukasyan, Colonge, Fourloubey, Arakelyan, Astruc, Nahapetyan, Hovsepyan, Balasescu, Tomé, Radu 2009, 37–43.

²¹ Braidwood, Braidwood 1982.

Таким образом, мы получаем следующую картину развития культур, возникших в результате миграций. На начальных стадиях развития все эти культуры никоим образом не были связаны с производящим хозяйством. При этом абсолютно не имеет значения, владели ли навыками такого хозяйства носители культур в исходных пунктах миграции. Зарзийское население накануне голоцена владело этими навыками, но зарзийская миграция не привела ни к каким существенным изменениям в развитии инновационных форм экономики в Закавказье. Точно так же первоначально не привела ни к каким изменениям и миграция носителей культуры Чайоню Тепеси. Миграционные потоки триалетского и млефаатского населения не могли что-либо изменить в Закавказье, поскольку в отправных точках миграции такие изменения также пока не произошли.

Однако результат в итоге оказался одним и тем же, если не принимать во внимание результаты древней зарзийской миграции. Мигранты из Малой Азии и со склонов Загроса рано или поздно становились носителями неолитического образа жизни. Триалетское население переходит на неолитическую фазу развития в VII тыс. до н.э., носители традиций Кобулет и Кмло II – в VI тыс. до н.э.

О чем это говорит? Мы предлагаем следующую гипотезу, содержание которой сводится к нескольким пунктам.

1. В конце плейстоцена – в начале голоцена Закавказье стало прибежищем для ряда групп мигрантов с территории современной Турции, Ирана, Ирака.
2. Мигранты находились на раннеолитической или преднеолитической фазах развития.
3. Мигранты не привнесли новых методов ведения хозяйства на территорию Закавказья. Причиной тому была, на наш взгляд, стратегическая цель мигрантов, сводящаяся к возможности продолжить на осваиваемых территориях развитие традиционного охотничье-собираческого уклада.
4. Миграции не приводили к полной утрате связей с материнскими территориями, что в итоге вело к развитию инновационных методов ведения хозяйства и к переходу к неолитическому образу жизни.

Таким образом, мы предлагаем новую модель неолитизации Закавказья, основанную не на собственно миграционном происхождении неолита, а на констатации факта формирования информационного поля между различными регионами, создаваемыми мигрантами. Миграционные потоки сами по себе лишь создавали условия для дальнейшей неолитизации, сама же неолитизация была связана с дальнейшим обменом достижениями, что осуществлялось мелкими группами переселенцев, подпитывающих основной миграционный поток на протяжении последующих эпох; группами переселенцев, осуществлявших возвратные или челночные миграции, связанные с посещением материнских регионов. Такая модель неолитизации представляется более логичной, поскольку лишена всех логических недочетов, присущих собственно миграционной теории или теории об автохтонном происхождении закавказского неолита. Наша гипотеза поясняет, почему сам факт миграции не приводил к началу развития неолита, в то же время она не связана с абсолютно алогичными теориями о самозарождении неолитического общества в полном отрыве от магистрального развития цивилизации Старого Света.

Соответственно, вопрос о том, что же послужило причиной развития неолита – миграции, диффузия мелких групп населения, культурный обмен – полностью лишается смысла. Процесс неолитизации является очень длительным, в этом процессе сыграли роль все три указанных фактора. При этом на этапе преднеолитизации важнейшую роль играли миграционные процессы, накануне начала неолита – диффузия мелких групп населения, осуществлявших двусторонние контакты, соединявшие исходную и конечную точки миграций, в начале неолита – культурный обмен, позволявший передавать инновационные формы ведения хозяйства автохтонам, расселенным в одних и тех же регионах с мигрантами на территории Закавказья.

Итак, само понятие «неолитизация», очевидно, не связано исключительно с распространением собственно неолита. Неолитизация представляется в свете изложенной гипотезы длительным периодом сложения информационных сетей, в рамках которых осуществлялось распространение инновационных технологий в области обработки камня, гончарства, мето-

дов ведения хозяйства. Возникновение таких информационных сетей являлось сложным процессом, в ходе которого осуществлялись миграции больших групп населения, процессы диффузии мелких групп населения, челночные перемещения небольших локальных групп, прямые культурные контакты населения соседних регионов. Миграции, происходящие, как правило, в самом начале процесса неолитизации, максимально облегчали создание таких глобальных сетей, порождая в соседних или даже весьма отдаленных регионах ситуацию, которую можно было характеризовать как этническую и языковую непрерывность.

Табл.1. Даты стоянок, упомянутых в статье.

№	Дата	Лаб. индекс	Материал	Стоянка	Контекст	Культура	Публикация
1.	15960±120	ОхА-7855		Гварджилас Клде	Слой 10	Зарзи (?)	Nioradze, Otte 2000 ²²
2.	15010±110	ОхА-7856		Гварджилас Клде	Слой 10	Зарзи (?)	
3.	12635±150	СОАН-5896		Бадыноко	Слой 7.4	Зарзи (?)	Селецкий и др. 2017 ²³
4.	13990±340	СОАН-5897		Бадыноко	Слой 7.5	Зарзи (?)	
5.	10800±220	BETA-46649	Уголь	Халлан Чеми	Культурный слой	Триалетьен	Rosenberg 1994 ²⁴
6.	10590±260	BETA-56102	Уголь	Халлан Чеми	Культурный слой	Триалетьен	
7.	10590±170	BETA-55052	Уголь	Халлан Чеми	Культурный слой	Триалетьен	
8.	10520±190	BETA-67462	Уголь	Халлан Чеми	Культурный слой	Триалетьен	
9.	10500±170	BETA-55051	Уголь	Халлан Чеми	Культурный слой	Триалетьен	
10.	10890±140	Gd-6150	Уголь	Млефаат	Культурный слой	Млефатьен	Kozłowski 1994 ²⁵
11.	10850±200	Gd-4465	Уголь	Млефаат	Культурный слой	Млефатьен	
12.	11270±90	UCLA-300	Уголь	Чага Сефид	Культурный слой	Млефатьен	Hole 1987 ²⁶
13.	10425±145	UCLA-305	Уголь	Чага Сефид	Культурный слой	Млефатьен	
14.	10425±145	ГАК-807	Уголь	Гани Дерех	Культурный слой	Млефатьен	
15.	10400±60	РТТ-4703	Кость	Котиас Клде	360-370 см	Триалетская	Meshveliani at al.

²² Nioradze 2000, 265–300

²³ Селецкий, Шнайдер, Зенин, Кривошапкин, Колобова, Алишер Кызы 2017, 147–162.

²⁴ Rosenberg 1994, 121–140.

²⁵ Kozłowski 1994, 255–264

²⁶ Hole 1986, 353–379.

Миграционные процессы и процессы культурного взаимодействия...

16.	9940°80	RTT-4699	Уголь	Котиас Клде	360-370 см	Триалетская	2007 ²⁷
17.	9840°70	RTT-4702	Кость	Котиас Клде	350-360 см	Триалетская	
18.	10430°80	GrN-8103	Уголь	Чайоню	Фаза «круглых домов»	Индустрия Чайоню	Tissen 2002 ²⁸
19.	6640°40	UGAMAS-2762	Уголь	Кмло 2	Слой 3	Мезолит Армении	Petrosyan at al. 2014 ²⁹
20.	6640°40	UGAMAS-2757	Кость	Кмло 2	Слой 3	Мезолит Армении	
21.	6640°40	Ly-2762	Кость	Кмло 2	Слой 2	Неолит Армении	

БИБЛИОГРАФИЯ

Амирханов Х.А. 1987, Чохское поселение: человек и его культура в мезолите и неолите Горного Дагестана, Москва, «Наука», 116 с.

Бадер Н.О. 1984, Поздний палеолит Кавказа. Борисковский П.И. (ред.). Палеолит СССР, Москва, «Наука», 294 с.

Бадер Н.О., Церетели Л.Д. 1989, Мезолит Кавказа. Кольцов Л.В. (отв. ред.). Археология СССР. Мезолит СССР, Москва, «Наука», 273 с.

Гогитидзе С. 2008, Археологические памятники ущелья р. Кинтриши (раннеолитическое поселение Кобулет), Батуми (на груз. яз.), изд-во Батумского государственного университета, 298 с.

Голованова Л.В., Доронищев В.Б. 2012, Имеретинская культура в верхнем палеолите Кавказа: прошлое и настоящее // Первообытные древности Евразии. К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина, Москва, Российская академия наук. Институт археологии, с. 59–102.

Залізник Л.Л. 2009, Мезоліт заходу Східної Європи. Київ, «Шлях», с. 198–205.

Захарук Ю.Н., Телегин Д.Я. 1985, Культура линейно-ленточной керамики / Артеменко И.И. (ред.). Археология Украинской ССР, том 1, Киев, «Наукова думка», 133 с.

Каландадзе К.С. 1986, Неолитическая культура Западной Грузии в свете новых археологических открытий, Тбилиси, «Мецниереба», 104 с.

Клейн Л.С. 1999, Миграция: археологические признаки, STRATUM plus (1), pp. 52–71.

Небиеридзе Л.Д. 1978, Даркветский многослойный навес, Тбилиси, «Мецниереба», 93 с.

Селецкий М.В., Шнайдер С.В., Зенин В.Н., Кривошапкин А.И., Колобова К.А. 2017, Алишер Кызы С. Эпипалеолитические комплексы навеса Бадыноко (Приэльбрусье). Вестник Томского государственного университета (418), с. 147–162.

²⁷ Meshveliani, Bar-Oz, Bar-Yosef, Belfer-Cohen, Boaretto, Jakeli, Koridze, Matskevich 2007, 47–58.

²⁸ Thissen 2002, The Neolithic of Central Anatolia. Internal Developments and External Relations During the 9th-6th Millennia cal BC. Proceedings of the CANeW Table Ronde, Istanbul 23–24 November 2001, Istanbul, Ege Publishing Co., Istanbul, pp. 299–337.

²⁹ Petrosyan, Arimura, Gasparyan, Nahapetyan, Chataigner 2014.

- Amirhanov H.A. 1987, Čohskoe poselenie: čelovek i ego kul'tura v mezolite i neolite Gornogo Dagestana, Moskva, "Nauka", p. 116.
- Bader N.O., Cereteli L.D. 1989, Mezolit Kavkaza. Kol'cov L.V. (otv. red.). Arheologija SSSR. Mezolit SSSR, Moskva, "Nauka", S. 273.
- Bader N.O. 1984, Pozdnij paleolit Kavkaza. Boriskovskij P.I. (red.). Paleolit SSSR. M. Nauka, str. 294.
- Braidwood L. S. & Braidwood R. J. 1982 (eds): Prehistoric Village archaeology in south-eastern Turkey. The eighth-millennium BC site at Çayönü: its Chipped and Ground Stone Industries and Faunal Remains. BAR (International Series 138), Oxford.
- Chataigner C., Gasparyan B., Montoya C., Arimura M., Melikyan V., Liagre J., Petrosyan A., Ghukasyan R., Colonge D., Fourloubey C., Arakelyan D., Astruc L., Nahapetyan S., Hovsepyan R., Balasescu A., Tomé C., Radu V. 2009, From the Late Upper Paleolithic to the Neolithic in North-western Armenia: Preliminary Results. AVETISYAN P. (ed.) - 2012, Proceedings of the International Conference "The Archaeology of Armenia in a Regional, context: Results and Perspectives", Yerevan, 14-19 September, 37-43.
- Garrod D.A. 1930, The Palaeolithic of Southern Kurdistan: Excavations in the Caves of Zarzi and Hazar Merd. Bulletin of the American School of Prehistoric Research 6, 8-43.
- Gogitidze S. 2008, Arheologičeskie pamjatniki ušel'ja r. Kintriši (ranneneolitičeskoe poselenie Kobuleti). Batumi: Batumis Sakhelmtsipo universitetis gamomtsemloba სტრ. 298 (na груз. jaz.).
- Golovanova L.V. 2012, Doroničev V.B. Imeretinskaja kul'tura v verhnem paleolite Kavkaza: prošloe i nastojašee // Pervobytnye drevnosti Evrazii. K 60-letiju Alekseja Nikolaeviča Sorokina. Moskva: Rossijskaja akademija nauk Instituta Arheologii, str. 59-102.
- Gvardjilas Klde Cave in Georgia . Kot M. (ed.). Warsaw: Warsaw University Press, 2019.
- Hole F. 1986, Chronologies in the Iranian Neolithic. In: Aurenche et al. (eds.), Chronologies in the Near East : Relative Chronologies and Absolute Chronology 16.000-4.000 B.P.: C.N.R.S. International Symposium, Lyon (France) 24-28 November BAR International Series 379, Oxford, pp. 353-379.
- Kalandadze K.S. 1986, Neolitičeskaja kul'tura Zapadnoj Gruzii v svete novyh arheologičeskikh otkrytij. Tbilisi: Mecniereba, str. 104.
- Klejn L.S. 1999, Migracija: arheologičeskie priznaki, STRATUM plus (1), pp. 52-71.
- Korobkova G.F. 1996, The Neolithic Chipped Stone Industries of the Southern Caucasus. Kozłowski S.K., Gebel H.G.K. (ed.). Neolithic Chipped Stone Industries of the Fertile Crescent, Their Contemporaries in Adjacent Regions, Berlin, Ex Oriente, pp. 57-89.
- Kozłowski S.K. 1999, The Eastern Wing of the Fertile Crescent. Oxford: BAR International, pp. 146.
- Kozłowski S.K. 1994, Radiocarbon Dates from Aceramic Iraq. Radiocarbon, pp. 255-264.
- Meshveliani T., Bar-Oz G., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Boaretto E., Jakeli N., Koridze I., Matskevich Z. 2007, Mesolithic Hunters at Kotias Klde, Western Georgia: Preliminary Results. Paleorient (33/2), pp. 47-58.
- Nebieridze L.D. 1978, Darkvetskij mnogoslojnyj naves, Tbilisi: Mecniereba, str. 93.

- Nioradze M.G., Otte M. 2000, Paléolithique supérieur de Géorgie. L'Anthropologie. Volume 104, Issue 2, April-June, pp. 265-300.
- Petrosyan A., Arimura M., Gasparyan B., Nahapetyan S., Chataigner C., Early Holocene Sites of the Republic of Armenia: Questions of Cultural Distribution and Chronology. Stone Age of Armenia. A Guide-book to the Stone Age Archaeology in the Republic of Armenia, Edited by Boris Gasparyan, Makoto Arimura, Published by Center for Cultural Resource Studies, Kanazawa University, Kanazawa, Japan, 2014, pp. 135-160.
- Rosenberg M. 1994, Hallan Çemi Tepesi: Some Further Observations Concerning Stratigraphy and Material Culture. Anatolica 20: pp. 121-140.
- Seleckij M.V., Šnajder S.V., Zenin V.N., Krivošapkin A.I., Kolobova K.A. 2017, Ališer Kzy S. Ėpipaleolitičeskie komplekсы navesa Badynoko (Priël'brus'e). Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. (418): pp. 147-162.
- Solecki R.L. 1980, An Early Village Site At .Zawi Cherni Shanidar. Malibu: Undena Publications. pp. 136.
- Thissen L.C. 2002, A NeW 14C Databases and 14C Charts, Anatolia, 10000-5000 cal BC. In: Gérard and Thissen (eds.) The Neolithic of Central Anatolia. Internal Developments and External Relations During the 9th - 6th Millennia cal BC. Proceedings of the CANeW Table Ronde, Istanbul 23-24 November 2001, Istanbul, Ege Publishing Co., Istanbul, pp. 299-337.
- Zaharuk Ju.N. 1985, Telegin D.Ja. Kul'tura linejno-lentočnoj keramiki / Artemenko I.I. (red.). Arheologija Ukrainskoj SSR. Tom 1. Kiev: Naukova dumka, str. 133
- Zaliznjak L.L. 2009, Mezolit zahodu Shidnoï Evropi. Kïiv: Šljah, str. 198-205.

ՄԻԳՐԱՑԻՈՆ ԳՈՐԾԸՆԹԱՑՆԵՐԸ ԵՎ ՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ՓՈԽԱԶԴԵՑՈՒԹՅԱՆ ԽՆԴԻՐՆԵՐՆ ԱՆԴՐԿՈՎԿԱՍՈՒՄ Ք.Ա. XII-VI ՀԱՋԱՐԱՄՅԱԿՆԵՐՈՒՄ

ՄԱՆԿՈՎ Վ., ՉԽԱՏԱՐԱՇՎԻԼԻ Գ.

Ամփոփում

Քանալի բառեր՝ միգրացիա, Անդրկովկաս, մշակույթ, քարի արդյունաբերություն, հնագիտական կայան, տարածք, Կովկաս:

Առաջարկվում է Անդրկովկասի նեոլիթացման նոր մոդել: Նեոլիթյան կենցաղին անցնելը պայմանավորված է Մերձավոր և Միջին Արևելքի տարածքից բնակչության մի շարք գաղթերով: Այդ գաղթերը տեղի են ունեցել ոչ թե նեոլիթում, այլ պլեյստոցենի վերջում և հոլոցենի սկզբում, այսինքն՝ նեոլիթի նախաշեմին: Ներգաղթյալները, ըստ ամենայնի, ձգտում էին շա-

րունակել տնտեսության ավանդական ձևերի զարգացումը նոր տարածքներում: Նման գաղթերը կապված են զարգյան, թռեղքյան, մլեֆայան և Չայոնուի մշակութային ավանդույթները կրողների տեղաշարժի հետ: Ներգաղթյալները չեն կորցրել կապերն իրենց մայր տարածքների հետ, ինչը, ի վերջո, հանգեցրել է նեոլիթյան նորամուծությունների տարածմանը Անդրկովկասի նյութական մշակույթի և տնտեսության մեջ:

Զարգյան գաղթերը տեղի են ունեցել պլեյստոցենի վերջում և ճանապարհի բացել Ք.ա. ուշ 10–9-րդ հազարամյակների թռեղքյան գաղթի համար: Թռեղքյան համալիրների հիման վրա ձևավորվում է չոխյան մշակույթը: Մլեֆայան բնակչության գաղթը հանգեցնում է քրեուլեթյան արդյունաբերության առաջացմանը: Այն հիմք դարձավ Օդիշիի նեոլիթյան մշակույթի համար: Չայոնուի ավանդույթները կրողների գաղթը հանգեցնում է Հայաստանում նեոլիթյան մշակույթների առաջացմանը:

Այսպիսով, պլեյստոցենի վերջում և հոլոցենի սկզբում մենք տեսնում ենք լայնածավալ գաղթեր: Նեոլիթի զարգացումը ուղեկցվում է բնակչության փոքր խմբերի դիֆուզիոն գործընթացներով, որոնք տեղաշարժեր են իրականացնում Անդրկովկասի և գաղթի մեկնակետերի միջև: Բնակչության փոքր խմբերի այս տեղաշարժերը ապահովում էին մեկ տեղեկատվական տարածության ստեղծումը, որի ներսում տարածվում էին նեոլիթյան նորամուծությունները:

MIGRATION PROCESSES AND ISSUES OF CULTURAL INTERACTION IN TRANSCAUCASIA IN THE XII–VI MILLENIA B.C.

MANKO V., CHKHATARASHVILI G.

Summary

Key words: Migration, Transcaucasia, culture, stone industry, archaeological site, territory, the Caucasus.

Authors propose a new model of Neolithization of Transcaucasia. The transition to the Neolithic way of life was prepared by a series of population migrations from the territory of the Near and Middle East. Those migrations did not occur in the Neolithic, but at the end of the Pleistocene and at the beginning

Миграционные процессы и процессы культурного взаимодействия...

of the Holocene, that is, on the eve of the Neolithic. The immigrants, apparently, sought to continue the development of traditional forms of economy in new territories. Such migrations are associated with the relocation of carriers of cultural traditions of Zarzian, Trialetian, M'lefaatian and Chayonu. The immigrants did not lose ties with their mother territories, which eventually led to the spread of Neolithic innovations in material culture and economy. Almost all migrant industries have become the basis for the formation of Neolithic cultures in Transcaucasia.

The Zarzian migration occurred at the end of the Pleistocene and opened the way for the Trialetian migration of the late X-IX millennium BC. On the basis of the Trialetia complexes, the Chokh culture was formed. The migration of the M'lefaatian population led to the emergence of the Kobuleti industry. It became the basis for the Odishi Neolithic culture. The migration of carriers of Chayonu traditions led to the emergence of Neolithic cultures in Armenia.

Thus, at the end of the Pleistocene and at the beginning of the Holocene, we observe large-scale migrations. The development of the Neolithic is accompanied by diffusion processes of small population groups, which carry out shuttle movements between Transcaucasia and the starting points of migration. These movements of small groups of the population ensured the creation of a single information space within which Neolithic innovations spread.